

Редбекка Солнит

Мужчины учат меня жить

Уверенность, что мужчина
всегда знает, о чем говорит,
а женщина — нет, каждый
день делает наш мир все более
уродливым, а красоту его —
все менее заметной.

...местами шутливое, местами хлесткое,
но неизменно честное повествование.

— *The New York Times*

Ребекка Солнит

Мужчины учат меня жить

Серия «Женский голос»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63737696
Мужчины учат меня жить: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-133927-2*

Аннотация

Эта книга – глубокий, всесторонний разговор о женском голосе. Ребекка Солнит рассказывает не только о менсплейнинге, который этот голос игнорирует, – она затрагивает множество острых, болезненных тем, каждая из которых громко свидетельствует об угнетении женщин. Жестокость, насилие, равнодушие, замалчивание – все это попадает во внимание журналистки, которая с холодной головой и беспощадной честностью обличает дискриминацию женщин. От живописи до кино, от прозы Вирджинии Вулф до историй жертв изнасилования, вчера и сегодня, по всему земному шару – Ребекка Солнит написала всеохватную феминистическую книгу. Если вы давно хотели разобраться, что это за феминизм такой, без пустословия и прикрас, – вы нашли ту самую книгу.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Глава 1	7
Скользкая дорожка: как нас заставляют молчать	11
Женщины: борьба на два фронта	16
Заключение	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ребекка Солнит

Мужчины учат меня жить

*Посвящаю эту книгу:
нашим бабушкам;
мечтательницам, которые борются за
справедливость;
мужчинам, которые понимают;
молодым женщинам, которые не сдаются;
пожилым женщинам, которые проложили
дорогу молодым;
бесконечным спорам;
и, наконец, миру, где Элла Нахимовиц (родилась
в январе 2014-го)
сможет полностью реализовать себя.*

Rebecca Solnit
Men Explain Things to Me

* * *

© Е. Луцкая, перевод, 2021

© Rebecca Solnit, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Глава 1

Мужчины учат меня жить

До сих пор не пойму, зачем мы с Салли вообще пошли тогда на вечеринку на горном склоне под Аспеном. Все до единого гости были старше нас и невозможно скучны. Мы, тетки за сорок, считались здесь за девчонок. Дом был шикарный – если вы, конечно, любите шале в стиле Ральфа Лорана: внушительное, роскошное здание, выстроенное на вы-

соте девяти тысяч футов, на стенах лосиные рога, повсюду ковры «килим», дровяная печь. Мы уже собирались уходить, когда хозяин обратился к нам: «Побудьте еще. Хочу с вами пообщаться». Представительный и ужасно богатый мужчина.

Пришлось нам дожидаться, пока другие гости не отчалият в летнюю ночь: тогда он усадил нас за дорогой деревянный стол и обратился ко мне:

– Ну что? Я слышал, вы написали пару книг?

Я ответила:

– Если точнее – несколько.

– И о чем же они? – продолжал он таким тоном, словно разговаривал с семилетним ребенком, который стесняется рассказать, как хорошо он играет на флейте.

Вообще говоря, мои шесть или семь вышедших на тот момент книг были о разных вещах. Я заговорила о той, которая на тот летний вечер 2003 года была самой свежей. Это была «Река теней: Эдвард Мейбридж и технологичный Дикий Запад», где шла речь о покорении времени и пространства, об индустриализации повседневной жизни.

Вскоре после того, как я упомянула Мейбриджа, собеседник перебил меня:

– В этом году вышла одна очень интересная книга о Мейбридже: слышали о ней?

Он наделил меня ролью инженеру столь внезапно и столь решительно, что я практически готова была поверить, будто

одновременно с моей книгой вышла еще одна на ту же тему, а я умудрилась ничего о ней не узнать. И вот он уже рассказывает мне об этой интересной книге – вот с этим знакомым надменным выражением лица «Мужчина Вещает», устремив взор в загадочную даль своего авторитета.

Оговорюсь: в моей жизни есть множество замечательных мужчин, в том числе редакторов, которые еще с юных моих лет слушали меня, поддерживали и публиковали мои работы. У меня есть бесконечно щедрый младший брат и множество чудесных друзей, о которых я могу сказать словами Чосера о Студенте из «Кентерберийских рассказов»: «Хотел учиться и других учить». Что-то я еще помню с уроков литературы! Но бывают и другие мужчины.

Тем временем наш мистер Умник продолжал, надувая щеки, вещать об этой книге, которую мне обязательно стоило бы прочесть... пока Салли не перебила его:

– Это ее книга.

По крайней мере, Салли попыталась его перебить – а он продолжал как ни в чем не бывало. Ей пришлось трижды или четырежды повторить «Это ее книга и есть», – прежде чем до него дошло. И тогда – точь-в-точь как пишут в романах девятнадцатого века – наш мистер Умник побледнел как полотно. Тот факт, что именно я и написала эту важнейшую книгу, которую он, как выяснилось, даже не читал – просто наткнулся на рецензию в New York Times несколько месяцев назад, – настолько перевернул весь привычный ему мир

с ног на голову, что он потрясенно умолк. На секунду. А потом продолжил вещать. Как приличные женщины, мы удалились от него на почтительное расстояние, прежде чем расхохотаться. И, в общем, хохочем до сих пор.

Люблю такие моменты, когда вдруг всплывает на поверхность неприглядная истина, которую обычно сложно разглядеть и привлечь к ней внимание. Трудно, например, не заметить анаконду, которая сожрала корову или слона – а потом взяла и насрала на ковер.

Скользкая дорожка: как нас заставляют молчать

Конечно, подобного субъекта можно встретить на любой вечеринке. Толкать речи о теориях заговора и иной чепухе могут и мужчины, и женщины. Но, по моему опыту, настолько уверенно нести отъявленную чушь – привилегия лишь одного пола. Мужчины учат меня жить. Меня и других женщин. Неважно, разбираются они сами в проблеме или нет. Так поступают очень многие мужчины.

Любая женщина поймет, о чем я. Из-за этого женщинам порой бывает тяжело в любом деле; из-за этого они не решаются говорить громко и не добиваются, чтобы их услышали; из-за этого молодые женщины предпочитают молчать, когда им указывают – в том числе и языком уличного насилия, – что этот мир не для них. Эта позиция – причина наших самоограничений и сомнений в себе. Она же и подпитывает ничем не оправданное, излишнее самомнение мужчин.

Я не удивилась бы, узнав, что вся американская политика начиная с 2001 года была отчасти обусловлена тем, что никто так и не услышал Колин Роули, сотрудницу ФБР, которая давным-давно высказывала свои соображения насчет Аль-Каиды. Более того, за развитие событий ответственно правительство Буша с его неспособностью услышать хоть что-нибудь: в том числе что Ирак никак не связан с Аль-Каидой

и не имеет оружия массового поражения. А также что война – это совсем не плевое дело. (Стену самоуверенности Буша не удалось пробить даже мужчинам-экспертам.)

Может быть, надменность американского правительства и развязала войну в Ираке. Однако та же самая надменность регулярно устраивает войну вокруг нас и даже у нас внутри: войну, которая знакома каждой женщине. Нас вынуждают уверовать в собственную несерьезность. Нас заставляют молчать. Я всё ищу способы избавиться от этого внутреннего императива – и даже неплохая писательская карьера (а я всегда тщательно проверяю и излагаю факты) пока не помогает. Даже в той ситуации, о которой я рассказала выше, были моменты, когда я готова была уступить мистеру Умнику – и позволить его невероятной самоуверенности взять верх над моей не столь твердой решимостью.

Не стоит забывать, что уже тогда у меня было больше аргументов в пользу права мыслить и высказывать своё мнение, чем чувствуют за собой большинство женщин. Я уже знала, что немного сомневаться в себе – это хорошее подспорье для того, чтобы исправлять собственные ошибки и расти над собой. Конечно, если сомнений слишком много, они парализуют – а стопроцентная уверенность в себе порождает лишь надменных идиотов. Между этими крайностями есть золотая середина, к которой стремятся представители того или иного гендера: теплый и комфортный «экватор», где нам и стоит встретиться.

Мы ещё не в самом плохом положении: взять хотя бы ближневосточные страны, где свидетельство женщины не имеет юридического веса, так что даже об изнасиловании она сама заявить не может – нужно, чтобы против мужчины-насильника выступил мужчина-свидетель. А такие находятся редко.

Между тем право на доверие – это один из базовых факторов выживания. Когда я была совсем молода и только начинала понимать, что такое феминизм и почему он так необходим, был у меня молодой человек, чей дядя работал физиком-ядерщиком. Однажды на Рождество он в виде милой и забавной истории рассказал, как жена его соседа по пригороду, где жили научные сотрудники, выбежала ночью из дома голышом, крича, что муж пытается ее убить. Я спросила: «А почему вы решили, что он и правда не пытался?» Он терпеливо объяснил, что это были приличные, уважаемые люди. Ему и в голову не могло прийти, что муж действительно на нее напал. Действительно: зачем ещё ей было выбегать из дома с криками, что на неё напали! Конечно, это неправда. У бедняжки что-то не в порядке с головой...

Даже чтобы получить охранный ордер – в Америке это недавняя практика, – женщине нужно разбиться в лепёшку, чтобы доказать суду и полиции справедливость своих заявлений. Только тогда они поверят, что тот или иной мужчина действительно угрожает ей, и всерьёз возьмутся за это дело. И нужно ещё учесть, что зачастую охранные ордера не рабо-

тают вовсе. Насилие – распространенный способ заставить людей замолчать, отобрать у них голос и доверие общества, утвердить свою власть над их правом на существование. В Америке каждый день примерно три женщины оказываются убиты нынешними или бывшими супругами. Это одна из главных причин смерти беременных в США. Борьба феминисток за то, чтобы изнасилования, в том числе на свиданиях и в браке, а также домашнее насилие и сексуальные домогательства на работе были признаны преступлениями, – это на самом деле борьба за то, чтобы женщин слышали и им верили.

Я склонна считать, что женщин начали считать за людей лишь тогда, когда такие вещи стали принимать всерьез, когда за тяжкие преступления, цель которых – уничтожить нас, стали официально преследовать. Положительные изменения начались в середине 70-х – а я в то время была уже подростком. Желаящим возразить, что сексуальная агрессия на работе – это не вопрос жизни и смерти, напомним о случае, когда младший капрал морской пехоты 20-летняя Мария Лотербах была, по-видимому, убита своим старшим по званию коллегой зимним вечером, пока ждала своей очереди в полиции, чтобы заявить на него об изнасиловании. Обожженные останки ее тела нашли в кострище у него на заднем дворе. Мария была беременна.

Уверенность, что мужчина всегда знает, о чем говорит, а женщина – нет, каждый день делает наш мир всё более урод-

ливым, а красоту его – всё менее заметной. В ход идёт всё, любая мелочь. Когда в 2000 году вышла моя книга «Не сидится на месте», я ощутила прилив сил: теперь я могла достойно сопротивляться тем, кто пытался лишить меня права на мысли, мнения и голос. С тех пор дважды я сумела бросить вызов поведению мужчин – только, увы, в обоих случаях мне заявили, что все было совершенно не так, как утверждала я, что я веду себя необъективно, нечестно, заблуждаюсь, слишком нервничаю, – в общем, веду себя чисто по-женски.

Раньше я бы почти наверняка усомнилась в себе и отступила. Теперь, когда публикуют мою историческую прозу и люди знают меня, у меня есть больше оснований для уверенности в себе: но так везёт далеко не всем женщинам. Из семи миллиардов людей, живущих на планете, львиной доле постоянно твердят, что их собственный жизненный опыт ничего не стоит. Что правда не на их стороне – и никогда не будет. То, как «мужчины учат нас жить», – лишь верхушка могучего, уродливого айсберга.

А мужчины по-прежнему учат меня жить. Ни один мужчина ни разу не извинился за то, что необоснованно поучал меня вещам, в которых я разбираюсь, а он – нет. Впрочем, если верить актуарным таблицам, еще буквально лет сорок с небольшим – и это может стать реальностью. Но я не особенно в это верю.

Женщины: борьба на два фронта

Через несколько лет после того эпизода с аспенским приездом я читала лекцию в Берлине, и меня пригласил поужинать писатель марксистского толка по имени Тарик Али. К нам присоединились ещё четверо: другой мужчина – писатель и переводчик – и три женщины чуть моложе меня. Последние себя крайне почтительно и почти все время молчали. Тарик был великолепен. Переводчику, кажется, не нравилось, что я держусь в разговоре скромно. Но стоило мне упомянуть о том, как удивительная, мало кому известная группа антивоенных и антиядерных активисток «Женщины выступают за мир» (Women Strike for Peace), созданная в 1961 году, способствовала падению антикоммунистической Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности (HUC), мистер Умник-2 попытался меня осмеять. До начала 60-х, утверждал он, этой Комиссии не существовало, и уж в любом случае никакая женская группа на ее крах подобным образом не влияла. Он говорил с таким убийственным презрением и с такой злобной уверенностью, что казалось, будто спорить с ним – лишь упражняться в бессилии и навлекать на себя еще больший негатив.

Я к тому времени написала, кажется, уже девять книг, в том числе одну – на основе документальных материалов и интервью с одной из ключевых участниц той самой антиво-

енной группы. И все равно менсплейнеры¹ продолжают твердить мне, что я (такая вот гадкая метафора оплодотворения) представляю собой пустой сосуд, который они должны наполнить мудростью и знанием. Фрейдисты утверждают, что у них есть то, чего нет у меня, но ум сосредоточен уж точно не в паху – даже если мужчина способен написать мочой на снегу сладкозвучную, музыкальную фразу Вирджинии Вульф о незаметном порабощении женщин. Вернувшись к себе в отель, я порылась в интернете и нашла, что Эрик Бентли в своей подробнейшей истории НУАС решительно утверждает, что именно группа «Женщины выступают за мир» «нанесли решающий удар, предопределивший окончательное падение цитадели НУАС». И было это в начале 60-х.

Именно эту сцену я описала в начале эссе для журнала Nation, посвященного Джейн Джейкобс, Бетти Фридан и Рейчел Карсон. Отчасти для того, чтобы еще раз обратиться к одному из мерзких менсплейнеров: «Парень, если ты это читаешь, знай: ты – прыщ на лице человечества, ты препятствие на пути к цивилизации. Пусть тебе будет стыдно».

Борьба с мужчинами, учащими жить, продолжает отнимать силы у множества женщин – из числа моих ровесниц и из тех, кто составит новое, столь нужное нам поколение; в нашей стране и в Пакистане, Боливии, Индонезии, не говоря

¹ Менсплейнер – (англ. mansplainer, образовано от комбинации слов «man» – мужчина и «explain» – объяснять) – мужчина, который снисходительно объясняет что-либо женщине, убеждённый, что она не может быть компетентной в данном вопросе в силу своего пола. (Прим. редакторки.)

уже о бесчисленных женщинах, живших до меня, которых не допускали в лабораторию, в библиотеку, к участию в разговорах и в революциях, да и вообще – в ряды человечества.

В конце концов, ту же самую группу «Женщины выступают за мир» основали всё те же женщины, которым надое-ло варить кофе и набирать на машинке тексты, не имея возможности высказываться и участвовать в антиядерном движении 1950-х. Чаще всего женщина сражается на два фронта – одновременно дискутируя по существу вопроса и отстаивая свое право говорить, иметь мнение, владеть фактами и истинами, иметь ценность, быть человеком. В наши дни ситуация улучшилась, но на моем веку эта война себя не исчерпает. Я и сама – солдат на этой войне. Я сражаюсь и за себя, и за всех тех молодых женщин, которым есть что сказать: я надеюсь, что их услышат.

Заключение

Как-то вечером в марте 2008 года за ужином я пошутила (как уже не раз делала до того), что напишу эссе под названием «Мужчины учат меня жить». У каждого писателя есть коллекция идей, которым не суждено стать книгами, и я время от времени «выгуливала» мысль о таком эссе. Моя гостя – активистка и блестящая философиня Марина Ситрин – уверяла, что я обязательно должна его написать, ведь оно очень пригодилось бы таким людям, как ее младшая сестра Сэм. Молодым женщинам, говорила она, нужно знать, что когда их достижения преуменьшают – это не значит, что с ними что-то не так. Это все те же чертовы гендерные войны. Ни одну из нас та чаша не минует.

Следующим утром я села за эссе и вмиг написала его, не поднимая головы. Если произведение родилось на свет так легко, это значит, что оно уже давно вынашивалось где-то на задворках сознания. Оно просилось на бумагу, рвалось наружу. И стоило мне сесть за компьютер – оно родилось. В те дни Марина вставала позже меня, так что я подала ей готовое эссе на завтрак, а пару часов спустя отправила его Тому Энгельгардту, который еще чуть позже опубликовал мой материал на сайте TomDispatch.com. Разошлось оно быстро – как бывает со всеми эссе на сайте Тома – и до сих пор его не перестают пересылать, репостить, публиковать и комменти-

ровать. Ничего подобного с моими произведениями раньше не бывало.

«Мужчины...» зацепили аудиторию. Попали в точку.

Некоторые мужчины пытались объяснить, что когда они объясняют что-то женщинам — это не гендерное явление. Обычно женщины в ответ указывали на то, как мужчины, пытаясь отказать им в их собственном опыте, давали свои объяснения именно так, как я это и описывала. (Для протокола: да, я считаю, что и женщинам случается пускаться в снисходительные объяснения, в том числе и в адрес мужчин. Но это ничуть не отменяет колоссальной разницы в позициях, приобретающей порой еще более мрачные формы, и распространенного гендерного перекоса в обществе).

Некоторые же мужчины уловили мою мысль и повели себя достойно. В конце концов, дело происходило в те времена, когда мужчин-профеминистов становилось больше, чем раньше, и феминизм был как никогда на слуху. Не каждый, впрочем, понимал нашу риторику. Через сайт TomDispatch я получила в 2008 году сообщение от пожилого мужчины из Индианаполиса, который, по его словам, «никогда не принижал женщин ни в личном, ни в профессиональном плане», и упрекал меня, говоря, что я «могла бы общаться с парнями попроще и вообще сначала проверять факты». Вдогонку он дал мне совет о том, как мне наладить жизнь, и высказался насчет моего «чувства неполноценности». По его мнению, снисходительное отношение к себе женщина выбирает или

не выбирает сама – так что во всем виновата была только я.

Появился сайт Academic Men Explain Things to Me («Ученые-мужчины учат меня жить»), где сотни женщин из университетских кругов рассказывали, как к ним относятся снисходительно, преуменьшают их заслуги, перебивают и так далее. Термин «менсплейнинг» окончательно сформировался вскоре после публикации моего эссе. Иногда его приписывают лично мне. На самом деле я не имею отношения к его появлению, хотя очевидно, что оно навеяно моей работой (и, конечно, всеми мужчинами, воплотившими в себе эту идею). (Я отношусь к этому слову без фанатизма и сама пользуюсь им нечасто. На мой взгляд, оно слишком подчеркивает идею, что этот изъян присущ всем мужчинам, а не дает понять, что некоторые мужчины объясняют то, чего не следовало бы, и не умеют слышать, то что следовало бы. Если это недостаточно явно следует из моего эссе – на самом деле я очень люблю, когда люди объясняют мне то, в чем они действительно разбираются, а я еще нет, но хочу разобраться. Проблема – это когда собеседник втолковывает мне то, что я знаю, а он сам – нет). К 2012 году слово «менсплейнить» – ставшее одним из слов 2010 года по версии New York Times – уже использовали в массовой политической журналистике.

Увы, этот термин прекрасно вписался в контекст времени. Сайт TomDispatch вновь опубликовал «Мужчин...» в августе 2012 года, и, по счастливой случайности, примерно в то же время член Палаты представителей от штата Миссури,

республиканец Тодд Эйкин сделал свое скандально известное утверждение о том, что изнасилованным женщинам не нужны аборты, поскольку «если произошло настоящее насилие, женский организм найдет способ предотвратить последствия». Именно в том предвыборном сезоне звучали безумные фразы со стороны мужчин-консерваторов в поддержку насильников и в противовес фактам. Одновременно слышались и голоса феминисток, объяснявших, почему феминизм так необходим и почему такие мужчины – это страшно. Я ценила возможность участвовать в этом разговоре. О моём эссе снова вспомнили.

Сейчас, когда я пишу эти строки, «Мужчин...» продолжают обсуждать и репостить. Я ни в коем случае не хотела сказать, что считаю себя чудовищно угнетенной. Мне лишь хотелось показать, как подобная риторика открывает перспективы для мужчин и блокирует их для женщин, лишая их возможности говорить, быть услышанными, иметь права, работать наравне с мужчинами, быть уважаемыми, в общем – быть полноценными, свободными людьми. Именно так в культурном дискурсе обозначается власть – как раз та власть, которая в дискурсе антикультурном, в физических актах запугивания и насилия и зачастую в фактическом мироустройстве замалчивает, вымарывает, уничтожает женщин как равных, как людей, наделенных правами, и слишком часто – как живых существ вообще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.